94 8/207

94 8/207

1105/3.

94 8/207.

Ладыженский, А.П.

Кризисъ понятія нейтралитета.

30881/п

(По поводу нейтралитета Греціи и Персіи).

Употребляя выраженіе Іеринга, можно сказать, что происходящая теперь война это не споръ государствъ передъ форумомъ международнаго права, а скорѣе апелляція на положенія международнаго права къ трибуналу всемірной исторіи. Настоящая война это — революція въ международной жизни, это — переоцѣнка международныхъ нормъ. Кровавый свѣтъ зарева пожаровъ освѣтилъ многія темныя юридическія категоріи и заставилъ пересмотрѣть многія признанныя утвержденія. Къ числу таковыхъ несомнѣнно относятся и нормы, опредѣляющія права и обязанности нейтральныхъ государствъ. Вопросъ о томъ, какъ должны вести себя невоюющія государства въ теченіе теперешней великой войны народовъ, является однимъ изъ самыхъ острыхъ, если даже не самымъ острымъ вопросомъ, выдвинутымъ текущими событіями. Военныя дѣйствія начались нарушеніемъ со стороны Германіи нейтралитета Бельгіи и Люксембурга. Были со стороны нѣмцевъ попытки нарушить нейтралитетъ Швейцаріи. Не прошелъ еще первый взрывъ общественнаго негодованія по поводу этихъ дѣйствій германцевъ, какъ возникли чрезвычайно горячія обвиненія Англіей, Германіей и С.-А. Соединенными Штатами другъ друга въ нарушеніи нормъ нейтралитета въ морской войнѣ. Я не могу здѣсь останавливаться на выясненіи справедливости или несправедливости этихъ взаимныхъ обвиненій. Сошлюсь только на г. А. Соболева, который въ рядѣ очерковъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Морской Сборникъ» и посвященныхъ разбору вопроса о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ въ морской войнѣ, приходитъ къ выводу, что «право нейтралитета переживаетъ кризисъ, что оно почти исчезаетъ за военными событіями, съ нимъ едва считаются»...

Въ то время какъ морскія державы обвиняли другъ друга въ несоблюденіи правъ и обязанностей нейтралитета въ морской войнѣ, Россія спорила съ Болгаріей и Румыніей по поводу того, что послѣд-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
54/26/0

нія пропускали въ Турцію военные припасы и снаряды; по поводу того, что переодѣтые нѣмецкіе офицера проѣзжали черезъ болгарскую и румынскую территоріи въ Турцію; по поводу того, что нѣкоторые изъ нихъ поступали на службу въ болгарскую армію; наконецъ, даже по поводу того, что Болгарія занимала деньги у нашихъ враговъ. Несомнѣнно, съ формальной стороны многія изъ этихъ обвиненій совершенно неосновательны. Такъ, напр., не подлежитъ никакому вопросу, что нейтральное государство можетъ принимать къ себѣ на службу кого ей угодно и имѣетъ полное право занимать деньги, гдѣ найдетъ это для себя болѣе выгоднымъ. Однако по существу обвиненія эти вполнѣ справедливы, такъ какъ пропускомъ снарядовъ и фуража въ Турцію была оказана большая поддержка нашимъ противникамъ, а заемъ денегъ у нѣмцевъ и принятіе на службу германскихъ офицеровъ явились яркимъ показателемъ сближенія «нейтральной» Болгаріи съ германо-австро-турецкимъ союзомъ. Въ данномъ случаѣ нормы права оказались несоотвѣтствующими жизни, и жизнь явилась болѣе логичной, чѣмъ онѣ. Итакъ, мы видимъ, что нарушеніемъ нейтралитета было признано то, что, согласно постановленіямъ второй Гаагской конференціи, впервые опредѣленно установившей права и обязанности нейтральныхъ государствъ, таковымъ не является. Но текущія событія намъ показываютъ и явленія совершенно обратныя только что приведеннымъ. Мы можемъ наблюдать, что не считаются враждебными такіе поступки, которые, согласно признаннымъ нормамъ международнаго права, несомнѣнно, являются нарушеніемъ нейтралитета. Таковы поступки Персіи и Греціи. Какъ извѣстно, Персія не противилась вторженію въ свои предѣлы турецкихъ войскъ, хотя она это и обязана была сдѣлать согласно ст. V 5-й конвенціи гл. I о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ Державъ. Однако, несмотря на то, что турецкая армія была встрѣчена персами очень сочувственно, ни Россія, ни Англія не перестали считать Персію нейтральнымъ государствомъ, не объявили ей войну, а просто вступили въ предѣлахъ Персіи въ борьбу съ турками и изгнали ихъ изъ Керманшаха. Съ своей стороны и Персія не сочла нарушеніемъ своего нейтралитета то, что наши войска сражались съ турецкими въ предѣлахъ ея территоріи. Здѣсь мы какъ бы видимъ возвращеніе къ тому пониманію правъ и обязанностей нейтралитета, котораго держались въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени, пониманія, согласно которому пропускъ воюющихъ черезъ нейтральную территорію не считался нарушеніемъ нейтралитета въ томъ случаѣ, если этотъ пропускъ предоставлялся одинаково обѣимъ сторонамъ. Однако относительно

Персіи могутъ сказать, что она въ счетъ не идетъ, такъ какъ въ сущности не является самостоятельнымъ государствомъ. Но то же пониманіе правъ и обязанностей нейтралитета мы видимъ и со стороны Греціи. Какъ всѣмъ извѣстно, греки пропустили черезъ свою землю дессантъ союзниковъ на помощь сербамъ. Правда, греческое правительство заявило формальный протестъ противъ дессанта, но, тѣмъ не менѣе, оказывало англо-французскимъ войскамъ не сопротивленія, какъ это оно обязано было дѣлать согласно Гаагской конференціи, а, наоборотъ, союзники были встрѣчены въ Греціи чрезвычайно радушно. Но, что особенно характерно, и наши враги не усмотрѣли въ этомъ нарушеніе нейтралитета со стороны Греціи и не объявили послѣдней войну. Если слабыя Персія и Греція, подобно небольшимъ государствамъ среднихъ вѣковъ и начала новаго времени, пропускаютъ черезъ свои земли арміи борящихся сторонъ, то Германія могла вѣдь съ этимъ не согласиться. И однако она по крайней мѣрѣ до поры до времени признаетъ нейтралитетъ Греціи. Это происходитъ потому, что, по мнѣнію нѣмцевъ, въ настоящее время даже худой миръ съ греками лучше какой бы то ни было ссоры.

Такимъ образомъ мы видимъ, что нарушеніемъ нейтралитета теперь часто считаютъ то, что, согласно постановленіямъ Гаагской конференціи, таковымъ не является и, наоборотъ, не считаются нарушеніемъ нейтралитета такіе поступки, которые считались несовмѣстимыми съ положеніемъ нейтралитета. Несомнѣнно, мы наблюдаемъ кризисъ понятія нейтралитета. Для того, чтобы уяснить себѣ смыслъ этого кризиса, необходимо остановиться на выясненіи того, что̀ понималось подъ словомъ нейтралитетъ въ современномъ международномъ правѣ.

Большинство современныхъ ученыхъ понимаютъ нейтралитетъ, какъ одинаковое отношеніе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, какъ извѣстный animus безпристрастія [1]). Изъ понятія этого animus'а названные ученые и стараются выводить права и обязанности нейтральныхъ государствъ для отдѣльныхъ конкретныхъ

[1]) Блюнчли въ Das moderne Völkerrecht пишетъ: «Neutral sein heisst Nichtbeteiligung an dem Kriege dritter und daher Behauptung der Friedensordnung für den eignen Bereich»; Геффтеръ въ Europäischen Völkerrecht утверждаетъ, что обязанностью нейтральныхъ является «Fortbestand aller Rechte des Friedens mit Parteilosigkeit und ohne Feindse ligkeit gegen die Kriegsführenden»; Листъ, Международное право въ систематическомъ изложеніи, изд. 1912, стр. 439: «Для нейтральныхъ державъ (medii in bello) война является res inter alios gesta. Взгляда на нейтралитетъ какъ на полнѣйшее безпристрастіе нейтральныхъ — равнодушіе и безучастіе—держатся Pasquale Fiore, Nouveau droit international public, trad. par Pradier-Todéré. t. II, p. 361; Phillimore, Commentaries, t. III, p. 226; Rolin-Jacquemins, Revue de droit internat., t. III, p. 113, и мн. др.

случаевъ. При этомъ (на чемъ мы остановимся подробнѣе, когда будемъ разбирать постановленія второй Гаагской конференціи) эти права и обязанности различными интернаціоналистами понимаются далеко не одинаково.

Однако нейтралитетъ можно понимать не только какъ безпристрастное, одинаковое отношеніе ко всѣмъ воюющимъ державамъ, но и болѣе формально [1]). Подъ нейтралитетомъ можно понимать «невоеваніе». Согласно такому пониманію нейтралитета, послѣдовательно проведеннаго до конца, нейтральнымъ является всякое невоюющее государство, хотя бы оно и оказывало явную поддержку какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Этого пониманія нейтралитета держатся всѣ тѣ ученые [2]), которые говорятъ, что нейтралитетъ можетъ быть доброжелательнымъ и недоброжелательнымъ. Напротивъ, тѣ интернаціоналисты, которые видятъ въ нейтралитетѣ прежде всего animus безпристрастнаго отношенія къ воюющимъ государствамъ, должны (какъ это и дѣлаютъ, напр., Листъ и Ривье) отказываться считать недоброжелательный нейтралитетъ «настоящимъ» нейтралитетомъ.

Итакъ, мы установили, что нейтралитетъ можно понимать 1) какъ animus равнаго отношенія къ воюющимъ и 2) какъ corpus невоеванія. Ни съ точки зрѣнія того, ни съ точки зрѣнія другого пониманія нейтралитета нельзя заранѣе установить правъ и обязанностей нейтралитета. Въ самомъ дѣлѣ, если нейтралитетъ понимать какъ извѣстный animus, какъ стремленіе одинаково относиться къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и не помогать ни одной изъ нихъ въ ущербъ другой, то, съ точки зрѣнія этого пониманія, совершенно противоположныя дѣйствія должны считаться совмѣстимыми съ понятіемъ нейтралитета (напримѣръ, одинаковое дозволеніе пройти черезъ нейтральную территорію арміямъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и одинаковое запрещеніе имъ пройти черезъ нейтральную землю). Но эти же самыя дѣйствія должны иногда разсматриваться и какъ явная помощь одной изъ воюющихъ державъ въ ущербъ ея противникамъ. (Напримѣръ отказъ Греціи въ пропускѣ дессанта союзниковъ въ Сербію былъ бы, если бы онъ имѣлъ мѣсто, явной услугой Германіи и Болгаріи, точно такъ же какъ отказъ Бельгіи въ пропускѣ германскихъ войскъ во Францію былъ не-

[1]) Ф. Ф. Мартенсъ, Современное международное право. П. 1887 г., стр. 544: «Подъ нейтралитетомъ разумѣется то положеніе, въ которомъ находятся государства, не принимающія активнаго участія въ войнѣ, существующей между другими державами»; на слѣдующей страницѣ онъ пишетъ, что мнѣніе будто нейтралитетъ есть безпристрастіе противорѣчитъ фактамъ и отрицаетъ самую основу международнаго права, международное общеніе государствъ.

[2]) См. Calvo, Le droit internat. théorique... Ft. IV, p. 408.

сомнѣнно очень выгоденъ для послѣдней и, стало быть, очень невыгоденъ для центральныхъ имперій).

Если нейтралитетъ разсматривать какъ animus безпристрастнаго отношенія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, то нужно признать, что въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ только и можно (и то не всегда) рѣшить, какъ нужно поступать для того, чтобы не оказать услугу какой-либо изъ воюющихъ державъ въ ущербъ ея противнику. Заранѣе установить этого нельзя. Однако иногда даже и въ конкретномъ случаѣ нельзя рѣшить, какъ вести себя для того, чтобы не помогать однимъ воюющимъ во вредъ другимъ. Иногда нельзя быть нейтральнымъ, такъ какъ всякій поступокъ оказывается помощью какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Не только для государства, но и для отдѣльнаго человѣка нельзя установить напередъ правилъ безпристрастнаго поведенія. Поэтому, съ точки зрѣнія того пониманія нейтралитета, согласно которому нейтралитетъ — это одинаковое отношеніе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, нельзя заранѣе опредѣлить права и обязанности нейтралитета. Съ этой точки зрѣнія нейтралитетъ является не опредѣленнымъ раціонально понятіемъ, это — извѣстная внутренняя связанность, не могущая быть формулированной строго юридически. Въ этомъ отношеніи понятіе нейтралитетъ подобно понятію парламентаризма.

Но и съ второй изъ намѣченныхъ нами точекъ зрѣнія на сущность нейтралитета, точки зрѣнія, согласно которой нейтралитетъ это — «невоеваніе» тоже нельзя формулировать права и обязанности нейтралитета. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой, второй, точки зрѣнія нейтралитетъ опредѣляется чисто формальнымъ признакомъ. Нейтрально всякое государство, которое не объявило войны или которому не объявили войны (хотя бы оно подъ видомъ недоброжелательнаго нейтралитета и принимало участіе въ войнѣ подобно тому, какъ въ русско-японскую войну Англія принимала участіе на сторонѣ Японіи, а въ настоящее время Персія принимаетъ участіе въ войнѣ на сторонѣ Турціи). Но объявленіе войны есть дѣло политическихъ соображеній. Нѣтъ установленныхъ поводовъ къ объявленію войны. Поводы эти придумываются ad hoc. Вслѣдствіе этого нельзя заранѣе установить, какія дѣйствія нейтральныхъ государствъ будутъ сочтены воюющими достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы объявить имъ войну. Такъ же точно нельзя заранѣе установить, какія дѣйствія воюющихъ государствъ могутъ заставить нейтральныхъ перестать быть таковыми.

Такимъ образомъ права и обязанности нейтральныхъ государствъ и съ этой точки зрѣнія не могутъ быть заранѣе точно опредѣлены. Поэтому не удивительно, что мнѣнія ученыхъ относительно правъ и

обязанностей нейтральныхъ государствъ всегда сильно расходились, и что общаго международнаго соглашенія, предусматривающаго эти права и обязанности для всѣхъ будущихъ сухопутныхъ войнъ до второй Гаагской конференціи не было. Правда, въ стт. 53—56 Брюссельской конвенціи мы находимъ постановленія о водвореніи воюющихъ и о пользованіи раненыхъ въ нейтральной странѣ. Однако, не говоря уже о томъ, что постановленія Брюссельской конференціи не были ратифицированы, эти статьи касались лишь небольшой части правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ. Въ виду этого на первой Гаагской конференціи въ 5-мъ и въ 6-мъ засѣданіи 2-й подкомиссіи, происходившихъ 3 и 6 іюня 1899 г. подъ предсѣдательствомъ Мартенса и посвященныхъ пересмотру стт. 53—56 Брюссельской конференціи, Люксембургскій представитель Эйшенъ поднялъ вопросъ о необходимости установить права и обязанности нейтральныхъ государствъ. Это предложеніе Люксембургскаго представителя станетъ вполнѣ понятнымъ, если имѣть въ виду, что Люксембургъ лежитъ на дорогѣ изъ Франціи въ Германію и что въ 1871 г. во время франко-прусской войны войска Наполеона III прошли черезъ Люксембургскую территорію. Люксембургъ по договору нейтралитета лишенъ права имѣть армію, и французскія войска прошли его совершенно свободно. Но это вызвало рѣзкій протестъ со стороны Бисмарка. Для того, чтобы впредь оградить себя отъ вторженія воюющихъ и отъ обвиненій въ нарушеніи нейтралитета, Люксембургъ и предложилъ формулировать права и обязанности нейтральныхъ государствъ въ сухопутной войнѣ. Однако предложеніе г. Эйшена не было принято. Подкомиссія нашла, что оно выходитъ за предѣлы ея компетенціи, и въ частности представитель Франціи г. Одье и представитель Болгаріи г. Станціевъ заявили, что они не уполномочены обсуждать этотъ вопросъ. Поэтому въ 1899 г. ограничились выраженіемъ пожеланія, чтобы въ слѣдующую конференцію этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ.

Во исполненіе этого пожеланія въ 5-мъ засѣданіи 2-й Гаагской конференціи 7-го сентября 1907 г. были приняты постановленія о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ.

«Не больше чѣмъ авторы регламента 1899 г.,— говорилъ въ этомъ засѣданіи докладчикъ 2-й комиссіи полковникъ Борель, — мы можемъ думать, что предусмотримъ всѣ права и обязанности нейтральныхъ, о которыхъ трактуетъ теорія, и мы ограничились лишь тѣмъ, что урегулировали нѣкоторые вопросы, которые намъ показались особенно важными и которые было можно опредѣлить, такъ какъ по нимъ мнѣнія болѣе или менѣе сходятся». «Безъ сомнѣнія, — говорилъ тогда же отъ имени Франціи генералъ Амурель, — проектъ

правъ и обязанностей нейтральныхъ очень не полонъ. Но онъ является только базой для опредѣленія правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ, но не исчерпывающимъ ихъ перечнемъ». Комиссія задавалась вопросомъ, нужно ли формулировать права и обязанности, только обращаясь къ нейтральнымъ государствамъ или же и обращаясь къ воюющимъ.

Представитель Бельгіи сказалъ, что многія обязанности касаются вопроса о переходѣ непріятельской арміи на нейтральную территорію и что въ данномъ случаѣ нужно не только обязать нейтральныхъ не пропускать черезъ свою территорію войска воюющихъ, но и обязать воюющихъ не переходить черезъ землю нейтральныхъ. Это показываетъ, что уже въ 1907 г. Бельгія опасалась, что въ случаѣ Великой войны ея территорія будетъ занята войсками одной изъ воюющихъ сторонъ. Въ это же время бельгійскій генеральный штабъ совмѣстно съ англійскимъ вырабатывалъ планъ дессанта англійскихъ войскъ на континентъ въ случаѣ вторженія германцевъ во Францію черезъ Бельгію. (См. донесеніе ген. Дюкарна бельгійскому военному министру о переговорахъ его имѣвшихъ мѣсто въ апрѣлѣ 1906 г. съ англійскимъ полковникомъ Барнадистономъ. «Нейтралитетъ Бельгіи. Официальное изданіе Бельгійскаго Правительства стр. 151». Поэтому она и предложила 1 ст. конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ въ сухопутной войнѣ. «Территорія нейтральныхъ государствъ неприкосновенна».

Великобританія была особенно заинтересована въ томъ, чтобы бельгійская территорія въ случаѣ войны не была оккупирована ни одною изъ воюющихъ сторонъ. Еще въ 1871 г. она обращалась къ Франціи и Пруссіи съ предложеніемъ не занимать во время войны войсками Бельгіи. Обѣ воюющія стороны тогда приняли предложеніе Англіи и потвердили, что они будутъ признавать актъ 1839 г., гарантировавшій Бельгіи ея неприкосновенность. Но Великобританія хотѣла, чтобы неприкосновенность Бельгійской территоріи была еще разъ гарантирована, и поэтому предложила 2-ю статью конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ въ сухопутной войнѣ. Въ этой статьѣ было постановлено: «Воюющимъ воспрещается провозить черезъ территорію нейтральной державы войска или обозы съ военными и съѣстными припасами». Эти постановленія были предложены явно въ предвидѣніи возможности Великой войны. Въ теоріи же международнаго права и въ предшествующей практикѣ запрещеніе прохода воюющихъ армій черезъ землю нейтральныхъ не всегда считалось нарушеніемъ нейтралитета. Такъ, напр., Wheaton, Trawer-Twiss, Блюнчли и денъ-Бееръ-

Португэль думаютъ, что пропускъ войска черезъ нейтральную территорію не всегда является нарушеніемъ нейтралитета. Въ этомъ отношеніи названные интернаціоналисты согласны съ мнѣніемъ старыхъ писателей, какъ, напр., Ваттеля, Гроція и Бинкересхука, которые считали, въ случаѣ настоятельной необходимости, дозволительнымъ вводить войска на нейтральную территорію. Большинство интернаціоналистовъ XVIII вѣка, какъ, напр., Мартенсъ, Клюберъ и др., стояли на такой же точкѣ зрѣнія. Практика также часто держалась этой точки зрѣнія. Напримѣръ, во время 30-лѣтней войны проходы черезъ нейтральную территорію были чрезвычайно часты, однако и въ XIX вѣкѣ случались прохожденія по нейтральной территоріи. Такъ, въ Австро-итальянскую войну 1859 г. Баварія и Саксонія дозволили пройти двумъ австрійскимъ бригадамъ изъ Богеміи въ Тироль, т.-е. изъ одной части Австріи въ другую черезъ нейтральную землю. Несмотря на это, многіе изъ современныхъ интернаціоналистовъ (назовемъ Мартенса, Бульмеринка, Ниса, Швейцера) считаютъ, что нейтральное государство не должно пропускать черезъ свою территорію войска воюющихъ. Этого мнѣнія отчасти придерживается и практика XIX вѣка. Такъ, проходъ союзниковъ черезъ Швейцарію во Францію въ 1813—15 гг. разсматривался ими самими какъ нарушеніе нейтралитета. Въ 1859 г. Парма была занята пьемонтцами послѣ того, какъ она, несмотря на свой нейтралитетъ, позволила проходъ сопернику Пьемонта. Точно такъ же Турція перестала считать Румынію нейтральной послѣ того, какъ послѣдняя въ 1877 г. пропустила въ Болгарію русскія войска.

Итакъ, мы видимъ, что вопросъ о томъ, допустимъ ли пропускъ войскъ черезъ территорію нейтральнаго, рѣшался до 1907 г. различно Гаагская же конференція, по иниціативѣ заинтересованныхъ въ запрещеніи прохода войска черезъ нейтральныя земли, Люксембурга, Бельгіи и Англіи, запретила проходить войскамъ воюющихъ черезъ невоюющія страны. По предложенію Англіи же была принята ст. 3: «Равнымъ образомъ воспрещается: а) устраивать на территоріи нейтральной державы станціи безпроволочнаго телеграфа или всякаго рода приспособленія, предназначенныя служить средствомъ сообщенія съ самими воюющими какъ на морѣ, такъ и на сушѣ». А по предложенію Японіи было принято запрещеніе; «б) пользоваться всякимъ сооруженіемъ такого рода, установленнымъ ими передъ войною на территоріи нейтральной державы, въ цѣляхъ исключительно военныхъ и не открытымъ для надобностей общаго пользованія».

Эти положенія статьи 3-й являются логическимъ развитіемъ положенія, выставленнаго въ ст. 2-й. Статья 4-я запрещаетъ на нейтраль-

ной территоріи формировать военные отряды и открывать учрежденія для вербовки. Ст. 5 гласитъ что нейтральныя государства не должны допускать на своей территоріи дѣлать все то, что стт. 2—4 запрещаютъ дѣлать воюющимъ. Ст. 6, принятая противъ предложенія Германіи, объявляетъ, что нейтральное государство неотвѣтственно за то, что его подданные вступаютъ въ ряды воюющихъ армій. Ст. 7 разрѣшаетъ нейтральному государству вывозъ и транзитъ амуниціи, фуража и вообще всего того, что можетъ быть полезно одному изъ воюющихъ государствъ. Ст. 8 разрѣшаетъ нейтральному государству пропускать по своимъ телефоннымъ и телеграфнымъ проводамъ извѣстія отъ воюющихъ. При обсужденіи этой статьи представитель Англіи заявилъ, что нейтральное государство не должно въ данномъ случаѣ дѣлать предпочтеніе одной изъ воюющихъ сторонъ передъ другой. Это и было постановлено въ ст. 9-й. Наконецъ, ст. 10 гласитъ, что не можетъ считаться нарушеніемъ нейтралитета, если нейтральное государство защищаетъ свой нейтралитетъ военной силою. Эта статья, поддержанная представителями небольшихъ и въ особенности представителями постоянно нейтральныхъ государствъ, введена съ тою цѣлью, чтобы предоставить постоянно нейтральнымъ государствамъ право оставаться постоянно нейтральнымъ и въ то же время силою оружія не пропускать войска черезъ свою территорію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что постановленія второй Гаагской конференціи 1907 г. были сдѣланы отчасти въ предвидѣніи возможности великой войны народовъ и ихъ нельзя разсматривать, какъ выраженіе незыблемыхъ нормъ нейтралитета. Происходящая теперь война наглядно показала ихъ недолговѣчность, показала то, что ни съ точки зрѣнія пониманія нейтралитета какъ безпристрастнаго отношенія, ни съ точки зрѣнія чисто формальнаго пониманія нейтралитета какъ «невоеванія», нельзя заранѣе установить права и обязанности нейтральныхъ. Нельзя напередъ опредѣлить, какія дѣйствія нейтральныхъ не будутъ къ выгодѣ одной изъ воюющихъ сторонъ и къ убытку другой стороны, нельзя заранѣе перечислить поступки, послѣ которыхъ государство перестанетъ считать нейтральное таковымъ и наоборотъ нельзя заранѣе установить, при какихъ поступкахъ воюющей державы нейтральное сочтетъ себя вынужденнымъ принять участіе въ войнѣ. Если такія нормы и будутъ заранѣе установлены, то онѣ потеряютъ силу, если случится что, прикрываясь ими, нейтральныя государства будутъ приносить пользу одной изъ воюющихъ сторонъ и тѣмъ самымъ вредить другой. Въ самомъ дѣлѣ, воюющій, которому вредятъ нейтральные, будетъ терпѣть это лишь до тѣхъ поръ, пока не сочтетъ болѣе удобнымъ объявить войну.

То же самое и нейтральный. Въ данномъ случаѣ какъ и во многихъ другихъ логика жизни послѣдовательнѣе логики права. Здѣсь на помощь приходитъ оговорка относительно rebus sic stantibus [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если вообще conventia omnis intelliguntur rebus sic stantibus, то особенно это можно сказать относительно соглашеній о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ во время войны. Эти права и обязанности представляютъ собою компромиссъ между интересами воюющихъ и интересами нейтральныхъ, при чемъ иногда уступаютъ больше воюющіе иногда больше нейтральныя. Поэтому о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ можно твердо установить лишь основной принципъ. Отдѣльныя же положенія, представляютъ собою компромиссъ между чрезвычайно различными интересами и потому они очень временны, измѣнчивы и условны.

А. М. Ладыженскій.

---

[1]) См. объ этомъ нашу статью въ книгѣ X (II) «Юридическаго Вѣстника» за 1915 г. «Международные договоры и оговорка относительно «Rebus sic stantibus», а также нашу рецензію на книгу бывшаго болгарскаго министра И. Е. Гешова, Балканскій союзъ, въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», кн. XI (III).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
542610.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. «Юридическій Вѣстникъ» 1916 г., кн. XIII (I).
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко, Москва, Воздвиж., Крестовоз. пер., д. 9.